

Юрий GERMAN

Здесь делают зверей

Бродвей — центр театральной жизни Америки. Отсюда зрелища импортируются по всей стране. В провинции ставятся они немножко беднее, проще, без участия тех звезд, которые «работают» на Бродвее, но название то же, и песенки те же, и танцы поставлены тем же специалистами эротически-порнографического жанра. «Идеология» поставляется Бродвеем. Здесь ставят свои отметки, возносят или уничтожают, расхваливают или, зевнув, выносят смертный приговор: «скучно!». Почти, как правило, слово «скучно» означает, что в данном спектакле есть социальный смысл, раздражающий бродвейского денителя. Так был погублен острый спектакль под названием «Величайший нор в городе». Пьесу написал Дэлтон Трамбо — один из десяти прогрессивных сценаристов Голливуда, которым угрожает тюремное заключение за «оскорбление» комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности.

Действующие лица комедии Трамбо — гробовщик, доктор и финансист — тесно связаны друг с другом. Доктор убежден в близкой смерти финансиста, гробовщик предполагает на этой смерти заработать, а финансист, как на зло, засыпает летаргическим сном и не умирает до самого конца пьесы. Комедия Трамбо содержит в себе элементы настоящей сатиры — злой и наступательной по своему духу. Бродвей насторожился. Спектакль имел успех. Тем не менее, пьеса немедленно после премьеры была объявлена «нестерпимо скучной» и снята с репертуара. Больше комедии Трамбо нигде не пошла. Идеологи реакционной театральной политики хитры — они никогда не говорят прямо. Если пьеса объявлена «нестерпимо скучной», кто на нее пойдет?

Зато обозрение «Южная часть Тихого океана» встретило единодушное признание бродвейских критиков. Еще бы! Здесь со-

вершенно всерьез дебатруется вопрос — следует или не следует жениться на полинезийской девушке. Критики захлебываются от восторга. Им очень нравится это произведение. Они хвалят все — и режиссерский джаз, и десятки песенок, и высеченную прожекторами сцену, на которой обнаженные леги и джентльмены кривляются перед пресыщенными бизнесменами. Критики восхищаются образом плантатора, партию которого поет бас «Метрополитен опера» Энцо Пинца. И нет ни одного человека, который сказал бы, что страшно такому талантливому певцу, как Пинца, петь в бездарном обозрении, а не в опере. Всем понятно — Пинца делает деньги, а разве в опере сделаешь деньги? Здесь, в обозрении, — настоящий бизнес.

Талантливый Рей Болджер изо дня в день кривляется в музыкальной комедии под названием «Где Чарли?». Каждый вечер он изображает насурмленную старуху, каждый вечер одно и то же до сумасшествия, до бреда, до ненависти к своей работе. Но это еще не самое худшее: Болджер Кларк в обозрении под названием «Вдоль Нитой авеню» более ста раз падает на пол. Он падает со столов и с диванов, со шкафов и подоконников и все время разбивается. Критики хвалят: это не скучно. Пусть тупеет и впадает в идиотизм зритель. Пусть он ни о чем не думает. Пусть он развлекается. Пусть Болджер Кларк произносит неслыханные монологи и пусть это чудовищное обозрение колесит по Америке. Пожалуйста!

Зачем нужен Шекспир?! Шекспир заставляет думать, — вот Шекспира! Однако даже и на Шекспира можно сделать бизнес. В мюзикхолах поминаются пьесы «по мотивам Шекспира». Можно ли себе представить большее кощунство? По мотивам «Укрощение строптивой» сочинено «Понелуй меня, Кайт!». Авторы обозрения «освободили» Шекспира от него самого и заполняли великую комедию своими плос-

кими шутками, своими ужимками, прыжками и песенками. Критики довольно ухмыляются.

По мотивам «Макбета» поставлена пьеска с песней и танцами.

Что это такое?

Разве это не страшно? Вот еще названия, только названия: «Респектабельная проститутка», «Сумасшедшая жепщица», «Изнанка», «Все ради любви», «Дай я тебе шепну».

Вертится, раз'едает глаза, бьет по нервам реклама на Бродвее. Здесь огулают людей, здесь «делают зверей», здесь впадают в идиотизм. Здесь покусываются и глотают купленные авторы, талантливые актеры, певцы, музыканты. Написать обозрение хотя бы с элементами сатиры — запрещено, бизнесмены постарались стереть в порошок, пустить по миру. Что угодно, как угодно, но только не обвинять, не искать, даже не шутить по поводу существования порока вещей...

Просто играть на скринке — нельзя. Скрипка — это «номер». Просто петь — нельзя. Бас — номер. Создать образ, характер, это — опасно. В талантливо соз-

данном образе может оказаться правда жизни — вот ее! И авторы ищут постыдную цену, скрипач играет, стоит на юлове, бас поет, плавая в бассейне (в паре стоящем!), а хороший, крупный актер губит свое дарование всеми способами, которыми ему приказывает бизнес.

Томас Хегген, автор пьесы «Мистер Робертс», весной этого года покончил жизнь самоубийством. Сборы на «Мистера Робертса» после самоубийства автора поднялись невероятно. Бродвей сыграл и на этом. Деньги, как известно, не пахнут.

Бродвей задает тон и в легкой комедии и в драме. Из комедий, пожалуй, только «Рожденные вчера» Гарсона Канни хотя столько-нибудь критикуют капитализм и его разлагающее влияние. Критикуют настолько осторожно, что пьеса «дозволена». Все остальные спектакли полны идеологией, вадора, чепухи. «Две слепые мыши» рекламируются, как «буйство здорового смеха». Почему? Потому, очевидно, что в центре пьесы две сумасшедшие старухи? Известный драматург Мосс Харт написал одну переделанную комедию «Свет в небе». Здесь изображено несколько человек во

Фабрика клеветы «Гейббельс — Джонсон и компания»

главе с гомосексуалистом, оставшиеся в живых после того, как атомная бомба попала в нью-йоркский небоскреб Радио-сити. Идет еще комедия под названием «Браво!» — из жизни бывшего члена фамилии Гогенцоллернов.

«Серьезные» пьесы пропагандируют, главным образом, смирение, повиновение, бессмысленность поисков лучшей жизни. Талантливый драматург Одетт в пьесе «Большой нож» обращается к самоубийству, как к единственному выходу для героя, пытавшегося протестовать.

Бродвей давит, гнетет, уничтожает негодное ему, так же как и Голливуд. Одетт попробовал, и очень осторожно, по-критиковать в своей пьесе правы и порядки, париище в Голливуде. Бродвей тотчас же поднял шум. Еще бы! Сегодня позволь драматургу написать неуважительно о Голливуде, завтра он так же напишет о самом Бродвее.

Драматург Артур Миллер тоже кончает жизнь своего героя самоубийством. «Смирись! Не думай! Молчи! Иначе ты погибнешь!»

Сидней Кингсли в «Детективной истории», которая рекламируется, как «документальная мелодрама», вывел сыщика, садиста «на своем посту» в полицейском участке. Грошлы, убийцы, сумасшедшая старуха — вот персонажи этой пьесы.

Робертс Морли изобразил чудовищного старика, совершающего бездну преступлений, в пьесе «Гейден», герой которой — помещанное существо, занимающееся тем, что толкает людей на самоубийство. Идет на Бродвее пьеса о Диккенсе. Великий английский писатель изображен доп Жуаном, с которым ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности. Играется спектакль, в котором главные действующие лица лошади, говорящая по-человечески. Лошадь эта проживает в небольшом городе и наделена таким ораторским талантом, что своими ре-

чами превращает всех местных негодяев в ангелов.

В последнее время херстовская печать шумно раздувает провалившуюся пьесу Германа Воук «Предатель». Несмотря на очевидный провал спектакля, а, может быть, именно из-за факта провала, херстовские газеты ежедневно печатают следующие недвусмысленные заявления: «Каждый достойный американец должен посмодеть «Предателя». Очевидно, комиссия по расследованию антиамериканской деятельности одобрила спектакль.

Можно продолжить этот обзор фабрики бродвейскими драматургами, однако сказанного вполне достаточно, чтобы сделать совершенно определенный вывод: пьесы и обозрения с этикой «сделано на Бродвее» ничего обидного театральным искусством не имеют. Сценические дея мастера Бродвея стремятся превратить зрителей в людей с нумутившимися рассудком. Их расчет — груб и примитивен: пусть зритель видит на театральных подмостках кривляния бесноватых и одержимых, пусть сцена переносит его в атмосферу дома для умалишенных. Тогда, может быть, выйдя из театра, он более равнодушными глазами посмотрит на свистопляску поджигателей войны.

Казалось бы, все продумано и рассчитано в устройстве этого нехитрого идеологического канкана, казалось бы, его творцам остается лишь восторженно рукоплескать своей собственной изобретательности. Но тут-то и выясняется, что повод для ликования отсутствует. Утратив всякое сходство с настоящим театральным искусством, бродвейские зрелищные заведения сохранили все же потребность... в зрителях. А зрители все чаще и чаще обходят двери театральных притонов Бродвея. Американцы начинают разбираться в истинном значении бродвейских «представлений». Спящая и воющая бродвейская театральная машина работает вхолостую.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, П. ПРОНИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

30-НОЯ 1949

Литературная Газета

г. Москва